

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ БИОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КРИЗИСА БИОПОЛИТИКИ

Статья посвящена изучению биополитического инструментария регуляции населения и его влияния на трансформацию биополитики. Сформировавшись в XVIII в., биополитическое государство создало арсенал средств регуляции населения, направленных на изменение качественных и количественных характеристик населения в интересах государства. Большая биополитическая игра вовлекла население в социальные процессы, обременяя тяготами, но и предоставляя преимущества. Развитые социальные институты заботы о населении достигли значений, отвечающих интересам человека. Инвестиции в человеческий капитал приобрели характер общепризнанной необходимости, сформировав конфирмантропную биополитическую стратегию. Однако, став нормой, человекоутверждающая биополитика привела к кризису биополитики. Разрастающиеся требования к власти со стороны населения порождают риски дефолта государства в отношении проводимых программ.

Ключевые слова: человек, биополитика, норма, идеал, кризис.

DEVELOPMENT OF TOOLS FOR BIOPOLITICAL REGULATION OF THE POPULATION AS THE BASIS OF THE BIOPOLITICAL CRISIS

The article is devoted to the study of biopolitical tools for population regulation and its influence on the transformation of biopolitics. Having formed in the 18th century, the biopolitical state created an arsenal of means of population regulation aimed at changing the qualitative and quantitative characteristics of the population in the interests of the state. The great biopolitical game involved the population in social processes, burdening them with hardships, but also providing advantages. Developed social institutions of caring for the population have reached values that meet human interests. Investments in human capital have acquired the character of a generally recognized necessity, having formed a confirmantropic biopolitical strategy. However, having become the norm, human-affirming biopolitics led to a crisis in biopolitics. The growing demands on the authorities by the population give rise to the risks of state default in relation to the programs being implemented.

Keywords: human, biopolitics, norm, ideal, crisis.

Биополитика как особая технология властного управления населением известна с XVIII в. Биополитика стала закономерным ответом на интегративные процессы, происходившие в Европе. Сложившаяся система международных отношений на основе Вестфальского мира наделила национальные государства функциями представительства на международной арене, одновременно гарантировав признание статуса и границ, отныне регулируя международные отношения «принципом необходимого и достаточного соперничества между различными государствами» [1, с. 20].

Города-империи и города-государства, наднациональные религиозные организации, негосударственные неполитические союзы потеряли былое значение [2, с. 107, 273–274]. Новые политические реалии предъявили новые требования к национальным государствам. Биополитика стала ответом на эти требования. Преодоление подходов юридического государства, апеллировавшего к правам и обязательствам на основании сложной и запутанной системы соглашений, уходящей в далекое прошлое, развитие стратегии административного государства, разработавшего техники дисциплинарной власти, заложило начала новой стратегии. Радикально новым в применении властных мер воздействия по отношению к человеку стало омассовление объекта воздействия власти. Дисциплинарная власть трансформируется в биополитическую, сохраняя

и развивая техники дисциплинарности индивида. Одновременно биополитическая власть задействует механизмы стимулирования. Привлечение населения на сторону власти для решения внешнеполитических задач, связанных с необходимостью увеличения военной мощи, экономического преуспевания, потребовало проведения внутренней политики, направленной на интенсификацию жизнедеятельности населения. Но исключительно принудительные меры дисциплинарной власти оказались недостаточными. Дисциплинарность была дополнена стимулированием, породившим вектор инклюзии населения в экономическую, социальную и политическую жизнь. Смещение государственных и личных интересов до степени взаимной обусловленности стало тем механизмом, который способствовал развитию биополитической стратегии. В рамках биополитики власть инвестировала в население, чтобы получить необходимую отдачу для решения широкого круга задач. Власть отныне сосредоточена не на экзогенных, а на эндогенных факторах развития государства, при этом власть желает получать от населения, если воспользоваться термином из области экономической теории, возрастающую, а не убывающую отдачу [3, с. 138].

Используем продуктивный понятийный ряд, предложенный М. Деландой для анализа военного дела, рассматриваемого как переход от армии-часов через армию-мотор к армии-сети. Деланда отмечает, что армия Наполеона могла

бы рассматриваться как «мотор», питаемый из резервуара народов и националистических чувств [4, с. 9]. Французская армия первая в Европе «...моторизовалась», подключившись к надежным резервуарам собственного населения» [4, с. 106]. В отличие от часового механизма, в котором всякое движение продолжает «...первоначальное движение по заранее заданной траектории, мотор производит новое движение. Часы опираются на внешний источник движения, а мотор — нет; он эксплуатирует определенную форму “различия” для извлечения энергии из “резервуара” в соответствии с той или иной “диаграммой цикла”» [4, с. 108]. Моторизованная армия сама себе является источником информации, энергии, действия, будучи подключенной к резервуару лояльного населения. Теперь «...внешняя механическая связь между правителем и подчиненными, типичная для старых армий, была замещена внутренним соединением, связывающим население в целом с нацией...» [4, с. 108]. Но и к становлению национальных государств, приведшему к трансформации армий, можно, обобщая, применить принцип, описанный выше.

Биополитическое государство — государство-мотор, топливным резервуаром которого становится заинтересованное, лояльное население. Формируются социальные институты заботы о населении. Конечно, государство не превращается в альтруиста. Напротив, государство действует крайне прагматично, эксплуатируя новый открытый источник энергии, способствующий достижению целей — заинтересованность, лояльность собственных граждан. Получая свою долю от проводимой политики, граждане оплачивают ее собственной жизненной энергией, приложенной в определенной сфере деятельности. Инклюзивный вектор биополитики порождает циклическое — «моторное» — взаимодействие власти и населения.

Биополитика не является всего лишь механическим приложением дисциплинарной власти, уже отработанной в отношении к индивиду, в масштабах всего населения. Биополитический инструментарий значительно шире. Во-первых, он базируется на принципе инклюзии/экслюзии — сложной игры включения и исключения из той или иной социальной группы или сферы деятельности. Во-вторых, биополитика активно применяет нормирование и нормализацию; биополитика создает, видоизменяет и дифференцированно использует нормы в отношении деятельности и поведения индивидов. Фактически задействуются позитивная и негативная энергия нормирования, практически воплощающая принцип инклюзии/экслюзии. В-третьих, стимулирование населения активно использует механизмы нормирования и поощряет население в стремлении соответствовать заданным параметрам нормальности, отвечающим стратегии государства. В-четвертых, нормирование и стимулирование создают механизм практической идеализации, способствующий формированию самостоятельного и целенаправленного поведения индивида в поле целей и задач, преследуемых властью. Формируются модели габитусов [5, с. 32] жизнедеятельности как систем диспозиций, порождающих и структурирующих поведение индивида, коррелятами которого выступают личные и государственные интересы. Наконец, в-пятых, выстраивается система социального

порядка, в которой власть и население сближаются как за счет расширения политических прав и экономических возможностей граждан, так и за счет формирования общего идеократического смыслового поля, в котором политические и жизненные личные интересы людей обнаруживаются как нерасторжимые. Отметим, что начавшаяся большая биополитическая игра охватывает все сферы жизнедеятельности людей, где реализует себя жизненная энергия: экономику и потребительские ценности, секс и быт, досуг и развлечения, образование и верования, политику и право.

Био- и политика сопрягаются таким образом, что голую жизнь (Дж. Агамбен) индивида одевают в предоставленную властью политическую тогу, правда, далеко не всегда шитую по мерке ее обладателя, чаще всего не выступающего в роли заказчика. В худшем случае роль тоги исполняет тюремная роба. Однако, и это следует подчеркнуть, государству как кутюрье-монополисту по пошиву политических тог со временем приходится считаться с интересами заказчика, становящимися всё более настойчивыми и прихотливыми. В рамках конфирмантропной (человекоутверждающей) биополитики нормирование, стимулирование и целеполагание работают в обе стороны: от власти к населению и от населения к власти.

Властная организация жизни индивида явно просматривается в сопряжении дисциплинаризации и нормирования, обнаруживаемых, например, в педагогике, психиатрии и психологии. М. Фуко обнаруживает психиатрическую власть в лечебнице как расширенном теле врача в качестве дисциплинарной власти, призванной в ходе «морального лечения», лишь поверхностно соответствующего критериям медикализации, нормализовать пациента. В свою очередь, пациенты — исключенные из общества (временно или окончательно, если лечение не достигнет необходимого результата) индивиды, для реабилитации которых создан соответствующий сегмент социального института (психиатрическая помощь в рамках здравоохранения) и учреждение (лечебница), позволяющие вернуть безумцев к нормальной жизни, — объекты приложения сконцентрированной в лечебнице дисциплинарной власти. Инструмент нормализации — дисциплинаризация, в ходе которой прививаются навыки поведения, обычные для повседневной жизни гражданина. Психиатрическая власть — частный случай дисциплинарной власти, а «дисциплинарная власть обладает двойной особенностью: она и анонимизирует, всегда отстраняет ряд индивидов, обозначает аномию, неприводимое, и вместе с тем всегда нормализует, изобретает всё новые исправительные системы, раз за разом восстанавливает правило. Дисциплинарные системы характеризуются непрерывной работой нормы в рамках аномии» [6, с. 73].

Власть-знание здесь в первую очередь ориентирована на стандартную модель социальных отношений, моделированием которой и занят персонал лечебницы. Одним из элементов нормализации становится трудовая деятельность и инклюзия в общепринятую систему оплаты труда и расчета потребностей и доходов, балансу которых соответствует обычная практика жизнедеятельности

гражданина. Вылечить — значит вернуть к обычной жизни самостоятельного и трудоспособного индивида. Одновременно сама лечебница существует как место включенного в жизнь общества пространства исключения, где находятся те, кто не позволяет прямо своим родственникам и косвенно всему обществу функционировать в штатном — нормальном — режиме. Пока безумца нормализуют, члены его семьи работают, а уход за ним оптимизируется с точки зрения социальных издержек. Временная эксклюзия вполне может завершиться инклюзией индивида в экономическую и социальную жизнь. Личные интересы безумца, его родных и государства сливаются [6, с. 74].

Похожий механизм обнаруживается в школе. Эксклюзия слабоумных, неуспевающих и недисциплинированных, разнонаправленно выводящая их из школы в систему соответствующих дисциплинарных институтов, позволяет, с одной стороны, школе исправно функционировать, а с другой стороны, под пристальным оком более жестко организованной дисциплинарной власти в ходе процесса дисциплинаризации добиваться либо нормализации исключенного из стандартного пространства школы, либо находить занятие, посильное для исключенного и одновременно, насколько возможно, социально полезное и приемлемое. Оптимизация расходования жизненной энергии общества на воспитание, содержание и нормализацию исключенных в этой рекурсивно выстроенной системы пространств исключения, где только крайние пункты отделений для неизлечимых больных и камер смертников отмечены печатью «оставь надежду, всяк входящий», демонстрирует масштаб и рациональный замысел биополитической регуляции населения.

Похожим образом нормированию подвергается сексуальная жизнь. Переход от диспозитива семьи к диспозитиву сексуальности порождает сложную игру норм и девиаций, задающих границы дозволенного и маркирующих определенные сексуальные предпочтения как табуированные. Нормы и девиации становятся подвижными, инклюзивные процессы и здесь подтачивают сложившиеся критерии эксклюзии. Ментальное и физическое здоровье, законопослушное поведение, способности, сексуальное поведение, навыки социальной адаптации — всё каталогизируется, становится предметом изучения и контроля власти-знания, вооруженного наукой, статистикой и сетью учреждений с целью дисциплинаризации и нормализации индивидов в перспективе эффективного использования человеческого капитала. Нормирование осуществляет функции отбора и отбраковки на каждом уровне социальной организации. Отобрать тех, кто по своим способностям максимально эффективно осуществит ту или иную функцию, — значит найти оптимум отбора/ отбраковки.

Подобное ранжирование с использованием бесконечных шкал нормирования было бы невозможно только на основе дисциплинаризации. Стремление к тому, чтобы предъявлять усложняющиеся требования к себе, опираются на механизмы стимулирования. Жизненным коррелятом подобных стимулов становятся комфорт, процветание, престиж, счастье. Биополитическая власть эксплуатирует жизненные стремления человека не только к благой и мо-

ральной жизни, что характерно для представлений о политике, обнаруживаемых еще у Аристотеля, но и инстинктивные, гедонистические мотивы, скорее обнаруживаемые у Эпикура, его последователей и эпигонов. Одним из важнейших механизмов становится практическая идеализация — создание системы образов осуществленной мечты, достигнутой цели в том или ином жизненном начинании индивида [7]. Практическая идеализация запускает механизм согласования внешних требований по нормированию жизнедеятельности индивида и внутренних мотивов самой личности, желающей достичь визуально и когнитивно представленного идеала. Дисциплинаризация, нормирование, стимулирование и внутренняя мотивация сходятся в рамках биополитической стратегии, опирающейся на смешанное рационально-иррациональное основание.

В поле воздействия власти рождаются подвергающиеся непрерывной трансформации габитусы, поддерживаемые господствующей идеократией. Аутопоззис системы достигается через согласование стратегий жизнепроживания индивидов с воспроизводимыми в социальных институтах и поддерживаемыми в ходе дисциплинаризации и нормирования моделями поведения (габитусами), успешное присвоение которых может привести к достижению целей, соответствующих образам, идеократически навязываемым механизмами практической идеализации.

Следует отметить, что большая биополитическая игра, в которую власть вовлекает население, не может основываться исключительно на симулякрах. Если власть не подкрепляет свое вмешательство в жизнь населения реальными вознаграждениями, население не откликнется заинтересованностью и лояльностью. Человек-предприятие как «антрепренер себе самому... который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов» [1, с. 285] функционирует только в реальной рыночной экономике, вознаграждающей за усердие. Солдат, мечтающий стать генералом, несет тяготы службы, если видит, что кто-то, подобный ему, становится генералом. Ученик учится, если общество демонстрирует важность знаний. В этой точке можно обнаружить пределы биополитики. Необходимость подкреплять стимулы вознаграждениями — достоинство и изъян биополитики. Неизбежно реализация биополитики ведет к исчерпанию ее потенциала.

Именно поэтому биополитика представляет собой историческое явление, у которого можно обнаружить начало, а также фазы расцвета, кризиса и, возможно, период завершения. То, что можно обозначить как *kaïros* — «счастливым случаем», вызвавший к жизни биополитику — историческое стечение обстоятельств, послужившее отправной точкой для организации биополитической регуляции населения, носит составной характер. Важными элементами причинного основания рождения биополитики стали: промышленная революция, взрывной рост научных знаний и технических изобретений, формирование национальных государств, международная политика европейских государств в рамках баланса сил в Европе, урбанизация, индустриализация и формирование массового общества потребления. Развернувшаяся полномасштабная реорганизация общества в ходе английской промышленной революции, например, потре-

бовала осуществления принудительных мер, направленных на формирование рабочего класса. Так, К. Поланьи показывает, что отмена так называемого закона Спинхемленда (принят в 1795 г., отменен в 1834 г.) стала радикальной мерой, подстегивающей бедноту к болезненной, но необходимой для нового типа экономики инклюзии в новые капиталистические отношения [8, с. 92–118]. Доселе нетронутые, заповедники патриархального быта были намеренно поставлены в затруднительное положение. Вынужденная миграция населения из сельской местности в поисках хлеба насущного в промышленные города и порты — спровоцированное событие, ставшее прообразом «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет), переросшего в «век толп» (С. Московичи).

«Массы» не появились ниоткуда, скорее, они были призваны как необходимый ресурс, позволяющий сформировать экономику нового типа, а вместе с ней и общество в целом, не виданное ранее. В дальнейшем массы, изначально востребованные как человеческий материал, необходимый для массового производства; армии национального государства, построенной на принципах мобилизации и всеобщей воинской повинности; колониальной экспансии; общества массового потребления, необходимого для расширения капиталистической экономики; выдержав период радикальных преобразований, вольно и невольно, вступили в торг с архитекторами конструируемого «Дивного нового мира». Правительства национальных государств и капитаны капиталистической промышленности с неизбежностью столкнулись с необходимостью систематических инвестиций в тот человеческий капитал, при содействии которого было воздвигнуто здание нового индустриального мира.

Отчасти биополитическое регулирование осуществлялось в форме сознательных вложений в возрастание качества жизни населения, отчасти — вынужденным образом как реакция на недовольство, в том числе разжигаемое лидерами оформившихся оппозиционных движений, отчасти — в режиме «непреднамеренных последствий» (Д. Лал). Правительства и капитал вступили на путь, который предполагал необходимость распределения завоеваний и прибылей между имущими и неимущими слоями населения. В определенном смысле это та же самая дорога торга и компромисса, по которой государства шли и раньше от ограниченного к открытому доступу [9, с. 203, 262]. Это путь вынужденного постепенного вовлечения всё более широкого круга акторов в экономическую и политическую жизнь, путь предоставления преимуществ всё большему количеству социальных групп, путь, при движении по которому бенефициарами процесса становится всё большее количество его участников.

Формирование национального государства как таковое явилось компромиссом между принуждением, олицетворяемым властью, и капиталом, за которым стоят предприниматели; центральной властью правительств и властью городов; землевладельцами и промышленниками [2]. Преодолев стадию «кочующего бандита» и приобретя статус «стационарного бандита» [10, с. 33], национальное государство исподволь взвалило на себя ношу ответствен-

ности и возложило на себя обязанность предоставлять «долю обездоленных» (Ж. Рансьер) хотя бы в минимально возможном виде. В дальнейшем этот процесс приобрел форму бесконечной позиционной борьбы, вынудив капиталистический мир в лице его лидеров отказаться от примитивной трактовки рыночной экономики как истолкования учения А. Смита в виде суммы всеблагости «невидимой руки» рынка, всеобщей максимизации стремления к прибыли и универсальной стратегии разумного эгоизма. Экономическая антропология (А. Сен, Д. Лал, Т. Седлачек, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон, С. Хедлунд и др.) вернула этику в экономику, что предполагалось в концепции самого А. Смита, и теоретически обосновала необходимость этико-экономического рассмотрения деятельности homo oeconomicus. Как итог, расцвет биополитического регулирования жизнедеятельности населения — развертывание социального государства — этой ренты населения от рыночной экономики. Этому, к слову, в значительной степени косвенно способствовали политические режимы в странах, радикально отказавшихся от рынка в пользу радикального же проекта переустройства общества на началах социализма. Не случайно Ж. Фурастье непосредственно связывал «Славное тридцатилетие» — термин, введенный им для обозначения периода с 1946 по 1975 г., — с холодной войной и противостоянием капиталистической и социалистической экономических систем. Общество всеобщего благосостояния конструировалось как реальная альтернатива социализму в СССР, симпатии к биополитическому эксперименту которого испытывала немалая часть населения стран Запада.

Удивительным образом расцвет капитализма совпадает с периодом его острой критики [11, с. 11]. Уступки системы воспринимаются как должное, каждое новое завоевание населением социальных гарантий видится как закономерное, а не результат вынужденного и, возможно, временного отступления власти в ходе большой биополитической игры. Большой запас прочности рыночной системы, обусловивший перевес над СССР и его союзниками, привел к стремительному демонтажу большинства прокоммунистических режимов, преждевременному провозглашению «конца истории» (Ф. Фукуяма) и одновременно частичному отказу от социальных программ на Западе. Т. Пикетти убедительно показывает, что уровень социального расслоения в начале XXI в. достиг и превзошел значения показателей начала XX в. [12, с. 256–261]. На рентоориентированность элит обращает внимание Дж. Стиглиц. Рента, как более стабильный источник дохода, рассматривается Л. Фишманом, В. Мартьяновым и Д. Давыдовым [13] как основание рентного общества, разворот к которому происходит в начале XXI в. Схлопывание среднего класса, формирование многочисленного прекариата и стремительное уменьшение салиариата констатируется Г. Стэндингом [14].

Следует признать, парадоксальным образом расцвет биополитики может обернуться ее закатом. То, что торг между властью и населением на фоне изменения политической конъюнктуры и очередного витка развития технологий ведет к кризису биополитики, последнее время

становится всё более очевидным. Колониальная экспансия, в ходе которой метрополиям удавалось сбрасывать издержки вовне, закончилась провозглашением независимости большинством бывших колоний. Стремительный рост стран «второго мира» (П. Ханна) усилил политическую и экономическую конкуренцию на международной арене. Демографическое и экологическое давление порождает спрос на стабилизацию роста народонаселения и повышенные требования к производству. Прогресс, вплотную подошедшей к четвертой промышленной революции (К. Шваб), основанной на искусственном интеллекте, робототехнике, достижениях нано-, био- и когнитивных технологий, ведет в мир экономики без людей (М. Форд, Э. Дрекслер, Р. Курцвейл). Может быть, это добрый знак — предвестник безусловного (универсального) базового дохода или универсальных базовых услуг для всех — ренты, гарантирующей выживание, а, может быть, и весьма комфортную жизнь [15]. Но, возможно, существует и негативный сценарий.

В такой ситуации неожиданно, но закономерно расцвет биополитики уже сейчас постепенно оборачивается кризисом биополитики, который может стать предвестником сворачивания этой формы властного вмешательства в жизнь людей. Восстание масс, спровоцированное элитами, на определенном этапе столкнулось с контрреволюцией восстания элит (К. Лэш), породившего постдемократию (К. Крауч) с развитой системой постидеологии (С. Жижек), в которой постправда (Ю. Н. Харари) растворена в постпамяти (М. Ямпольский). Активные массы, ставшие откровением для конструкторов века толп, превратились в молчаливое большинство (Ж. Бодрийяр) в процессе импlosionии политического.

Молчаливое большинство артикулирует свои требования иррационально в логике вывернутых наизнанку перформативов — действий, которые должны быть восприняты как речь, — символом чего стал Killdozer из знаменитой войны М. Дж. Химейера. Например, одно из самых ярких последствий ковидного лагерного пространства чрезвычайного положения — дерегуляция социальных отношений. Неожиданный американский бунт — бессмысленный и беспощадный — «инфантильного социализма» (Ю. Латынина) обнаружил во всей наготе диффузию норм, неэффективность социальных институтов, более не дисциплинирующих и не нормирующих, преобладание эмоциональной реакции над рациональным содержанием в постидеологическом симулякре, выдаваемом за политическую программу людьми, не имеющими общих политических интересов и объединенных ситуативно. Если это не новая реальность, то, по крайней мере, симптом, свидетельствующий о расколованности интересов власти и населения.

Общество — аутопоззная система третьего порядка [16, с. 218]. «Поразительная особенность аутопозжной системы состоит в том, что она вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством собственной динамики, но при этом продолжает составлять с ней единое целое» [16, с. 53]. Однако спазмы социальной деструкции демонстрируют, что общество утратило пластичность (К. Малабу), социум полон

ригидных форм, подтверждающих потерю необходимой для сложных социальных систем гибкости, только в рамках которой возможен аутопоззис, опирающийся на перманентную адаптацию к внешним и внутренним возмущениям в отношении системы. Более того, прогресс технологии, наделяющий их обладателей автономностью и даже самодостаточностью, может поставить вопрос о необходимости людей. Нуждается ли государство в росте и развитии населения, если новейшие технологии способны предоставить всё, что требуется для поддержания жизни компактной общины, в изобилии и в более совершенном виде? Ставки в большой биополитической игре высоки, сильные мира сего, находясь под усиливающимся прессингом населения, вечно не удовлетворенного достигнутым уровнем благополучия, могут предпочесть бесконечному поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, разрубив «гордиев узел» требований вошедшей во вкус публики конструированием нового мирового порядка, в котором эти запросы просто не уместны. Дерегуляция социальных отношений, индифферентная к диффузии норм и демонтажу сложившегося мироустройства, может увести в Новое Средневековье с новыми городами-империями и городами-государствами вроде Венеции и Генуи (Сингапур, Гонконг), новой системой брокеража (частные военные компании), ордами кочевников (Сомали, Сирия) и твердынями неприступных крепостей, описанными А. Зиновьевым футурологически и Г.-П. Мартином и Х. Шуманном эмпирически как «общество 20/80», примером чего является Сан-Паулу и ряд других городов с их структурами государства (для состоятельных) в государстве (для всех остальных) [17, с. 5–10]. А там совсем недалеко и до построений В. Войновича, Н. Чадовича, Ю. Брайдера, В. Сорокина и В. Пелевина.

Биополитика, безусловно, имеет пределы. Нижний предел биополитики — «миры смерти» (death-worlds), описанные А. Мбембе — некрополитические (necropolitics) режимы, уничтожающие собственное население в безумном пароксизме аутофагии [18]. Верхний предел биополитики можно обозначить на основании реконструированной Э. Канторевичем модели земного рая Данте. Данте полагал, что для человечества существует возможность достижения земного рая рациональными средствами — не «по благодати», а при помощи разума, морали и права. «Согласно Данте, в собственных силах человека было вновь обрести чистоту первочеловека, снова войти в Эдемский сад, в конце концов вернуться к Древу познания и уничтожить воздействие его плодов, обратившее Адама из господина в раба» [19, с. 616]. Тогда верхний предел конфирмантропной биополитики — гармоничное общество процветания и индивидуального благополучия человека.

Биополитика, медленно и неохотно двигаясь по пути компромисса между интересами биовласти и интересами населения, начала трансформацию, ориентированную на благополучие населения и идеал гармонии. Однако идеал, к которому биополитика в определенный исторический отрезок устремилась, учитывая возникшие имманентные развитию биополитики пределы, едва ли когда-либо будет достигнут.

1. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2010. 448 с.

2. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 г. / пер. с англ. Т. Б. Меньской. М. : Территория будущего, 2009. 358 с.

3. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : Высшая школа экономики, 2011. 384 с.

4. Деланда М. Война в эпоху разумных машин / пер. с англ. Д. Кралечкин. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый ; М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2014. 338 с.

5. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии. СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.

6. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб. : Наука, 2007. 450 с.

7. Попов Д. В. Практическая идеализация в биополитике // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2019. № 4 (25). С. 39–43.

8. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2002. 320 с.

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.

10. Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М. : Новое издательство, 2012. 212 с.

11. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

12. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

13. Фишман Л. Г., Мартынов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

14. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

15. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберг. М. : Синдбад, 2019. 440 с.

16. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. 2-е изд., доп. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2019. 320 с.

17. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию / пер. с нем. Г. Р. Контарева. М. : Альпина, 2001. 335 с.

18. Mbembé J.-A. Necropolitics / translated by L. Meintjes. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

19. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд., испр. / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегинной. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 752 с.

© Попов Д. В., 2020

УДК 111

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-29-44-47

О НЕКОТОРЫХ ВАРИАНТАХ «ПРИМЕНЕНИЯ» ДИАЛЕКТИКИ

Статья посвящена методическому аспекту диалектики, применению диалектических идей в трех существенно различных областях: в революционной идеологии, обыденной жизни и военном деле. Показано, что принципы всеобщей связи и развития реализуются в каждой из них, но различается отношение к идее противоречия.

Ключевые слова: Гегель, система, метод, противоречие, марксизм, анархизм, Древний Китай, военная теория.

ON SOME VARIANTS OF “APPLICATION” OF DIALECTICS

The article is devoted to the methodological aspect of dialectics, the application of dialectical ideas in three essentially different areas: in revolutionary ideology, everyday life and military affairs. It is shown that the principles of universal connection and development are implemented in each of them, but the attitude to the idea of contradiction is different.

Keywords: Hegel, system, method, contradiction, Marxism, anarchism, Ancient China, military theory.

Общеизвестна одна из оценок философии Гегеля, согласно которой ей присуще противоречие между методом и системой [1, с. 279]: диалектический метод носит революционный характер, а система консервативна. Наверное, следует уточнить, что в «Логике» Гегеля диалектика вовсе не метод, а основное

содержание его учения. Методом она становилась для тех, кто стремился найти в диалектике обоснование собственной деятельности, чаще всего — социально-политической направленности. Знакомство с «методологизацией» диалектики позволяет проследить варианты интерпретации гегелевских идей.